

СЕМИНАРСКОЕ ЗАНЯТИЕ № 4

ЯЗЫКОЗНАНИЕ XIX-XX ВЕКОВ

(Младограмматизм в языкознании. Московская лингвистическая школа. Казанская лингвистическая школа. Критика младограмматизма)

Основные положения и вопросы темы:

Младограмматизм в языкознании. Младограмматизм как ведущая школа сравнительно-исторического психологического языкознания. Становление младограмматизма в работах А. Лескина, К. Бругмана, Г. Остгофа, Г. Пауля, Б. Дельбрюка и других ученых. Историзм и психологизм – два основных принципа младограмматической теории языка. Эмпиризм, или атомизм, младограмматического учения. Представление о языке как индивидуальной психофизической (психофизиологической) деятельности – центральная посылка младограмматической теории. Действие звуковых законов и аналогии – основные факторы в развитии языка. Тезис младограмматиков о необходимости изучения живых языков и диалектов.

Московская лингвистическая школа. Ф. Ф. Фортунатов. Развитие принципов младограмматизма в исследованиях Московской лингвистической школы: Ф. Ф. Фортунатов, В. К. Горжезинский, А. И. Томсон, А. М. Пешковский, А. А. Шахматов и др. Проблемы общего и сравнительно-исторического языкознания в трудах Ф. Ф. Фортунатова. Необходимость учитывать тесную связь филологии, физиологии, психологии и истории общества при изучении истории языка. Язык как социально-историческое явление. Связь языка и мышления в работах Фортунатова. Грамматическая теория Фортунатова. Учение о словосочетании и форме слова.

Казанская лингвистическая школа. И. А. Бодуэн де Куртенэ. Развитие принципов младограмматизма в исследованиях Казанской лингвистической школы – И. А. Бодуэн де Куртенэ, Н. В. Крушевский, В. А. Богородицкий, С. К. Булич и др. Язык как социально-психологическое явление во взглядах представителей Казанской лингвистической школы. Бодуэн де Куртенэ о языке как явлении одновременно физическом, физиологическом и психическом, а также индивидуальном и общественном. Разграничение статики и динамики в языке, звуковой и графической сторон языка, подчеркивание системного характера языка. Создание Бодуэном де Куртенэ теории фонемы и фонетических чередований. Идеи типологического изучения языков в лингвистических воззрениях ученого. Развитие проблем общего языкознания в работах Н. В. Крушевского. Исследования В. А. Богородицкого в области сравнительно-исторического и типологического языкознания, создание им фонетической лаборатории.

Критика младограмматизма. Возникновение новых течений в языкознании. Критика младограмматизма в начале XX в. Направление “слов и вещей”: Г. Шухардт и его журнал “Слова и вещи”. Лингвистическая география. Создание диалектологических атласов во Франции, в Германии,

России. Неолингвистика. Работа Дж. Бонфанте “Позиция неолингвистики” как наиболее полное и четкое изложение общетеоретических положений неолингвистики. Развитие идей лингвистической географии в неолингвистике. Понятие языкового союза как альтернативное понятию генетического родства языков. Язык как эстетическое явление во взглядах неолингвистов. Эстетизм в языкознании. К. Фосслер как глава эстетической школы. Язык как продукт творческой интуиции отдельных лиц в учении Фосслера.

Вопросы для обсуждения:

1. Младограмматизм в языкознании.
2. Московская лингвистическая школа. Ф. Ф. Фортунатов.
3. Казанская лингвистическая школа. И. А. Бодуэн де Куртене.
4. Направление “слов и вещей”. Лингвистическая география.
5. Неолингвистика.
6. Эстетизм в языкознании.

Персоналии:

Герман Пауль (1846-1921) – немецкий языковед, виднейший представитель младограмматизма. Автор книги “Принципы истории языка”, которую называют иногда энциклопедией младограмматизма.

Карл Бругман (1849-1919), **Бергольд Дельбрюк** (1842-1922), **Август Лескин** (1840-1916), **Герман Осгоф** (1847-1909) – младограмматики, представители Лейпцигской школы языкознания.

Филипп Федорович Фортунатов (1848-1914) – основатель и глава Московской лингвистической школы. Родился в Вологде, в семье учителя. Уже в раннем возрасте проявил интерес к изучению языка. В 1868 г. окончил Московский университет, его главным учителем был Ф. И. Буслаев. В 1871 г. Фортунатов был командирован на два года в Германию, Францию и Англию, где изучал древнеиндийские Веда. В 1875 г. защитил магистерскую диссертацию, представляющую собой перевод на русский язык и комментарий одной из частей Вед – Самаведы. В 1876 г. начал читать лекции в Московском университете. В 1902 г. переехал в Петербург (после избрания его в 1898 г. действительным членом Академии наук), где руководил работой Отделения русского языка и словесности Академии наук и редактировал академические издания. Наиболее известными работами Фортунатова являются: “Сравнительное языковедение”, “Сравнительная фонетика индоевропейских языков”, “Сравнительная морфология”, “Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка”.

Борис Михайлович Ляпунов (1862-1943) – ученик А. А. Потебни, последователь Ф. Ф. Фортунатова, академик АН СССР. Родился в Горьковской области. В 1885 г. окончил Петербургский университет. В 1901-1924 гг. работал профессором в Новороссийском (Одесском) университете, в 1924-1929 гг. – в Ленинградском университете. Ляпунов развивал на

праславянском языковом материале сравнительно-исторические идеи Фортунатова. К числу наиболее известных работ относятся “Исследование о языке Синодального списка 1 Новгородской летописи” и “Формы склонения в старославянском языке”.

Алексей Александрович Шахматов (1864-1920) – ученик Фортунатова, известный русский языковед, академик Петербургской Академии наук. Родился в Нарве. В 1887 г. окончил Московский университет. За “Исследования в области русской фонетики” (1893-1894) Шахматов получает докторскую степень. В 1909 г. он избран профессором Петербургского университета. С 1906 по 1920 возглавлял Отделение русского языка и словесности Академии наук. Наиболее известными его работами являются “Курс истории русского языка”, “Очерк древнейшего периода истории русского языка”, “Синтаксис русского языка”.

Александр Матвеевич Пешковский (1878-1933) – представитель Московской лингвистической школы. Родился в Томске. В 1906 г. окончил Московский университет. К числу наиболее известных работ в области общего языкознания относятся “Русский синтаксис в научном освещении” и “Понятие отдельного слова”. Много внимания уделял вопросам методики преподавания русского языка.

Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (1845-1929) – русско-польский языковед, основатель и глава Казанской лингвистической школы. Бодуэн де Куртенэ родился в Польше. Как показывает фамилия ученого, его предки по отцовской линии были французами, переселившимися в начале XVIII в. в Польшу. Большую часть своей жизни Бодуэн провел и работал в России. В 1862 – 1866 гг. он учился в Варшавской школе, где изучал славянские языки и овладел литовским языком. В 1867 г. он учился в Праге, слушал лекции А. Шлейхера в Иене, в Берлине занимался санскритом. В 1868 г. Бодуэна на два года направили в Петербург, где он проходил подготовку в Петербургском университете под руководством И.И. Срезневского. В 1870 г. Бодуэн в Петербурге защитил магистерскую диссертацию “О древнепольском языке до XIV столетия” и стал читать лекции по сравнительной грамматике индоевропейских языков. С 1872 г. Бодуэн три года провел за границей, в Австрии и Италии, где изучал говоры словенского языка. В 1875 г. Бодуэн получил степень доктора сравнительного языкознания за диссертацию “Опыт фонетики резьянских говоров”. В дальнейшем он поочередно работал в пяти университетах: Казанском (1875-1883), Юрьевском (Тартуском) (1883-1893), Краковском (1894-1900), Петербургском (1901-1918) и Варшавском (1918-1929), куда он переехал после получения Польшей независимости. В 1897 г. Бодуэн был избран членом-корреспондентом Академии наук. Бодуэн де Куртенэ владел многими языками – русским, польским, немецким, французским, литовским, итальянским, хорошо знал чешский, эстонский, латышский и другие языки. Свои многочисленные работы он писал почти на всех европейских языках. Наиболее известными его работами являются: “Некоторые общие замечания

о языковедении и языке”, “Опыт теории фонетических альтернатив”, “Языкознание, или лингвистика, XIX века”, “Лингвистические заметки и афоризмы”, “Введение в языкознание”.

Николай Вячеславович Крушевский (1851-1887) – яркий представитель Казанской лингвистической школы. Основными работами являются “Очерк науки о языке”, посвященный важнейшим проблемам общего языкознания, и изданные посмертно “Очерки по языковедению. Антропофоника”.

Василий Алексеевич Богородицкий (1857-1941) – известный русский языковед, представитель Казанской лингвистической школы. С 1915 г. член-корреспондент Петербургской Академии наук. Основатель при Казанском университете первой в России экспериментально-фонетической лаборатории. К числу наиболее известных работ принадлежат “Очерки по языковедению и русскому языку” и “Общий курс русской грамматики”.

Гуго Шухардт (1842-1928) – австрийский лингвист, один из основателей направления “слов и вещей”. Автор работ “О фонетических законах (против младограмматиков)”, “Вещи и слова”, “Заметки о языке, мышлении и общем языкознании” и др.

Карл Фосслер (1872-1947) – немецкий лингвист-романист, глава школы эстетического идеализма, или неофилологии. К числу наиболее известных работ относятся “Позитивизм и идеализм в языкознании”, “Язык как творчество и развитие”, “Дух и культура в языке”, “Избранные статьи по философии языка”, “Культура и язык Франции”.

Джулиано Бонфанте (родился в 1904) – итальянский лингвист, один из основателей школы неолингвистики. В его работе “Позиция неолингвистики” содержится наиболее полное и четкое изложение общетеоретических положений этого направления.

Вопросы и задания для проверки и самоконтроля:

1. Назовите представителей младограмматизма в языкознании.
2. Каковы характерные черты младограмматизма?
3. Расскажите об изучении языка как социального феномена представителями Московской лингвистической школы.
4. Какие вопросы языка исследуются в научном наследии Ф. Ф. Фортунатова?
5. Назовите представителей Казанской лингвистической школы и круг проблем и задач общего языкознания, которые они решали.
6. Расскажите о значении работ И. А. Бодуэна де Куртенэ для развития языкознания.
7. Какие положения младограмматической трактовки языка отрицал Г. Шухардт?
8. Что представляли собой направление “слов и вещей” в языкознании и лингвогеография?

9. Назовите представителей неолингвистики и перечислите особенности их лингвистических концепций.
10. Расскажите о лингвистических взглядах К. Фосслера как представителя эстетического направления в языкознании.
11. Какие положения младограмматизма подвергались критике со стороны возникающих в конце XIX и начале XX веков новых школ и течений в языкознании?

Темы рефератов:

1. Лингвистическая концепция Б. М. Ляпунова.
2. Лингвистические взгляды Н. В. Крушевского.
3. Вопросы морфологии в трудах В. А. Богородицкого.
1. Г. Пауль “Принципы истории языка” (обзор книги).
2. А. М. Пешковский “Русский синтаксис в научном освещении” (обзор книги).
3. А. А. Шахматов “Синтаксис русского языка” (обзор книги).

Литература:

1. Амирова Т.А. и др. История языкознания. М., 2003.
2. Березин Ф.М. История лингвистических учений. М., 1984.
3. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики: из университетских чтений. 6-е изд. М., 2005.
4. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2-х т. М., 1963.
5. Будагов Р.А. Портреты языковедов XIX-XX веков. Из истории лингвистических учений. М., 1988.
6. Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды. В 3-х т. Минск, 1976-1978.
7. Виноградов Б.В. История русских лингвистических учений. М., 1978.
8. Гируцкий А.А. Общее языкознание. 3-е изд, стереотип. Минск, 2003.
9. Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч.1. М., 1964.
10. Кодухов В.И. Общее языкознание. М., 1974.
11. Кондрашов Н.А. История лингвистических учений. 2-е изд., стереотип. М., 2004.
12. Крушевский Н.В. Избранные работы по языкознанию. М., 1998.
13. Левицкий Ю.А. История лингвистических учений. М., 2005.
14. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.
15. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М., 2001.
16. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Т. 1-2. М., 1956-1957.
17. Хрестоматия по истории русского языкознания. М., 1973.
18. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М., 2001.
19. Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. 2-е изд. М., 2003.

ТЕКСТЫ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

ТЕКСТ 1. Г. ПАУЛЬ. ПРИНЦИПЫ ИСТОРИИ ЯЗЫКА

Введение

Ни в одной области культуры нельзя с такой точностью изучать условия развития, как в области языка. Поэтому не существует ни одной гуманитарной науки, метод которой мог бы быть доведен до такой степени совершенства, как метод языкознания. Никакая другая наука не смогла до сих пор так далеко проникнуть за пределы памятников, никакая другая из них не была в такой же степени конструктивна, как и спекулятивна. Именно благодаря этой своей особенности языкознание представлялось столь родственным естественноисторическим наукам, а это привело к нелепому стремлению исключить его из круга гуманитарных наук.

Несмотря на положение, которое языкознание занимает с самого его основания, необходимо еще много сделать, чтобы довести его до такой степени совершенства, на которую оно способно. Именно в этой связи в семидесятых годах XIX в. оформилось направление, настаивающее на коренном изменении исследовательского метода. В спорах, возникших по этому поводу, обнаружилось, как велики были еще у некоторых языковедов неясности относительно начал их науки. Эти неясности и послужили непосредственным поводом для написания настоящей книги. Она ставит своей целью по возможности способствовать прояснению воззрений и установлению взаимопонимания среди тех, кто способен воспринимать истину. Для этой цели оказалось необходимым, насколько возможно, всесторонне описать условия жизни языка и тем самым наметить основные черты теории развития языка вообще.

Мы разделяем исторические науки в широком смысле этого слова на две большие группы: естественноисторические и культуроведческие. Характерным признаком культуры является участие психических факторов. Только таким образом мне представляется возможным точно отграничить эту область от объектов чистого естествознания. Это обязывает нас, правда, признать наличие культуры у животных и отнести историю развития их художественных проявлений и общественной организации к числу культуроведческих дисциплин. Очень вероятно, что это способствовало бы выработке правильных суждений об отношениях наук друг к другу.

Психический элемент является важнейшим фактором всякого культурного развития, фактором, вокруг которого группируются все остальные, а психология – главной основой всякой подлинно культуроведческой дисциплины. Однако это еще не означает, что психический элемент является единственным фактором; нельзя построить культуры на одной психической основе. Поэтому по меньшей мере неточно определять культуроведческие науки как гуманитарные. В действительности существует лишь одна чисто гуманитарная наука, а именно психология – наука законополагающая. Как только мы вступаем в область исторического

развития, мы имеем дело наряду с психическими факторами также и с физическими. Человеческий дух должен находиться в постоянном взаимодействии с телом человека и с окружающей его действительностью, чтобы создать какой-нибудь продукт культуры, а качество последнего и способ, благодаря которому он возникает, зависят как от физических, так и от психических условий; знать как те, так и другие необходимо для полного понимания исторического процесса. Поэтому наряду с психологией требуется знание законов, по которым осуществляют свое действие физические факторы культуры. Естественные науки и математика также являются необходимой основой культуроведческой дисциплины. Если мы обычно этого не осознаем, то это происходит от того, что мы в основном удовлетворяемся ненаучным наблюдением повседневной жизни и довольствуемся тем, что не всегда точно разумеют под историей. Не иначе обстоит дело и с психическим аспектом, притом вплоть до новейшего времени. Однако нельзя себе представить, чтобы было возможно понять какое-либо историческое событие или заняться каким-нибудь видом исторической критики, не располагая некоторым опытом относительно физической возможности или невозможности какого-либо процесса. Отсюда вытекает *главная задача учения о принципах культуроведческой науки – установление общих условий, при которых психические и физические факторы, следуя собственным им законам, получают возможность взаимодействовать для достижения одной общей цели.*

Несколько иной представляется задача учения о принципах со следующей точки зрения. *Культуроведение всегда является наукой об обществе.* Только общество делает возможной культуру, только общество делает человека историческим существом. Даже полностью изолированная человеческая душа имеет свою историю развития, взаимодействуя с собственным телом и его окружением, но даже самая одаренная душа при этих условиях смогла бы достичь лишь до самой примитивной ступени развития, которое остановилось бы со смертью человека. Только потому, что один человек передает приобретенное другим, только благодаря взаимодействию нескольких индивидов в достижении одной общей цели возможно развитие, выходящее за эти узкие рамки. Не только экономика, но и все виды культуры базируются на принципах разделения и объединения труда. Самая характерная задача, выпадающая на долю культуроведческой науки и дающая ей возможность отстаивать свою независимость по отношению к точным наукам, заключается, по-видимому, в том, что она должна показать, в каких формах происходит воздействие людей друг на друга, в каких отношениях находятся индивид и общество, в то время как каждый из них воспринимает и отдает, определяет и сам определяется, и как молодое поколение становится преемником старого.

Попытаемся отметить важнейшие особенности, которыми языкознание отличается от других культуроведческих наук. Наметив факторы, которые оно должно учитывать, мы сможем обосновать наше утверждение, что

языкознание может дать самые точные и надежные результаты по сравнению со всеми прочими историческими науками.

Каждая эмпирическая наука поднимается до тем более высокой степени точности, чем лучше ей удастся в явлениях, с которыми она имеет дело, осуществить изолированное *рассмотрение функционирования отдельных факторов*. В этом, собственно, и заложено различие между научным и популярным методом рассмотрения. Изолирование удастся, конечно, тем менее, чем сложнее переплетения, в которых даны сами по себе явления. В этом отношении мы находимся в особенно благоприятных условиях, когда дело идет о языке. Правда, если принять во внимание все материальное содержание, которое в нем запечатлено, все будет выглядеть иначе. В этом случае, конечно, обнаружится, что все явления, так или иначе затрагивающие душу человека, строение организма, окружающая природа, вся культура, весь опыт и переживания, – все это оказывает влияние на язык и что он поэтому, если рассматривать его под таким углом зрения, зависит от любых факторов, какие только можно себе представить. Но рассматривать это материальное содержание отнюдь не составляет истинную задачу языкознания. Оно только может содействовать этому в союзе со всеми прочими науками, изучающими различные области культуры. Его же непосредственной задачей является изучение тех отношений, в которые совокупность представлений вступает с определенными комплексами звуков. В качестве основы подобного изучения требуются лишь две науки – психология и физиология, причем из последней только ее определенные разделы. То, что обычно понимают под физиологией звука, или фонетикой, охватывает, конечно, не все физиологические процессы, относящиеся к речевой деятельности, в частности не охватывает процессы возбуждения моторных центров, приводящих в действие речевые органы. Далее нас могла бы интересовать также и акустика – и как часть физики, и как часть физиологии. Однако акустические процессы подвергаются воздействию психических не прямо, а косвенно – через посредство процессов физиологии звука. Они определяются последними таким образом, что после полученного однажды импульса протекают в основном без отклонений или по крайней мере без таких отклонений, которые важны для языка. При этих условиях для понимания процессов развития языка более глубокое проникновение в существо этих явлений требуется во всяком случае далеко не в той мере, как понимание движения речевых органов. Однако из этого не следует, что из акустики нельзя извлечь полезных данных.

Относительная простота языковых процессов выступает с полной ясностью, если мы сравним их хотя бы с экономическими процессами. В последних имеет место взаимодействие всей совокупности физическим и психическим факторов, с которыми человек вступает в те или иные отношения. Никакие усилия не помогут выяснить полностью, какую роль играет каждый из этих факторов в отдельности.

Далее важен следующий момент. Всякий акт языкового творчества всегда является делом индивида. Правда, одно и то же может быть создано несколькими индивидами. Но это не меняет существа акта творчества или его продукта. Никогда не бывает, чтобы несколько индивидов создавали в области языка что-то совместно, соединенными усилиями, распределив между собой обязанности. Совершенно иначе обстоит дело в экономической или политической области. Но в пределах экономического и политического развития все труднее становится уяснить себе отношения по мере того, как осуществляются все более крупные объединения сил, а распределение обязанностей проводится все более дифференцированно, так что даже простейшие отношения в этих областях менее прозрачны, чем языковые. Правда, поскольку результат языкового творчества передается другому индивиду и перерабатывается им и поскольку этот процесс повторяется все вновь и вновь, то и здесь мы имеем известное разделение и объединение труда, без чего, видимо, невозможно представить себе никакой культуры. Но когда в памятниках отсутствует несколько промежуточных звеньев, тогда и языковед оказывается вынужденным разлагать на части сложные образования, не рассматривая их, однако, как результат необъединенных и преемственных усилий различных индивидов.

В этой связи весьма важно отметить, что языковые образования создаются обычно не в результате сознательного намерения. Хотя цель коммуникации, за исключением самых ранних стадий, всегда присутствует, стремление создать нечто стабильное отсутствует, и индивидуум не осознает свою творческую деятельность. В этом отношении язык отличается от художественного творчества. Бессознательность, которую мы выдвигаем здесь как характерный признак, впрочем, принимается далеко не всеми и нуждается еще в детальном доказательстве. При этом необходимо видеть различие между естественным и искусственным развитием языка, так как последнее происходит, конечно, путем сознательно регулирующего вмешательства. Подобные сознательные устремления направляются почти исключительно на создание общего языка для диалектально раздробленной области или на создание технического языка для людей определенных профессий. В дальнейшем изложении мы должны будем сначала их полностью игнорировать, чтобы со всей полнотой познакомиться с естественным развитием языка, и только после этого мы рассмотрим их в специальном разделе. Такой метод не только оправдан, но и строго обязателен. В противном случае мы стали бы действовать, как зоолог или ботаник, который, желая объяснить происхождение царства растений и животных в его современном виде, постоянно оперировал бы предпосылкой искусственного выведения и улучшения пород. Это сравнение и в самом деле весьма уместно. Подобно тому как животновод или садовник никогда не может произвольно создать что-то из ничего, но вынужден ограничиваться преобразованием естественно возникшего, так и искусственный язык может возникнуть только на основе естественного. Как при улучшении породы

нельзя устранить действие факторов, определяющих естественное развитие, так и в области языка невозможно это сделать посредством намеренного нормирования. Несмотря на какое угодно вмешательство, эти факторы продолжают неизменно действовать, и все созданное искусственным путем, но включенное в язык оказывается во власти естественных сил.

Теперь следует показать, каким образом непреднамеренность языковых процессов облегчает проникновение в их сущность. Прежде всего отсюда опять-таки следует, что они должны быть относительно простыми. При любом изменении может быть сделан лишь короткий шаг вперед. Да и как это может быть иначе, если изменение происходит без какого-либо намерения и в большинстве случаев говорящий даже не замечает, что он произносит что-то такое, чего раньше совсем не было? Далее, конечно, важно проследить по возможности все памятники, в которых шаг за шагом отражены эти процессы. Что же касается до простоты языковых процессов, то она не допускает, чтобы индивидуальное своеобразие проявлялось при этом слишком сильно. Ведь простейшие физические процессы у всех индивидов одни и те же, и их особенности основаны всего лишь на различных комбинациях этих простых процессов. *Большое единообразие языковых процессов, протекающих в различных индивидах, является важнейшей основой их точного научного исследования.*

Освоение языка падает на тот ранний период развития ребенка, в котором во всех психических процессах еще очень мало преднамеренности и осознанности, еще очень мало индивидуальности. Точно так же обстоит дело и с тем периодом развития человечества, в котором впервые был создан язык.

Если бы язык не был построен на основе того общего, что заложено в человеческой природе, он не мог бы служить удобным орудием общения всех людей. Напротив того тот факт, что он таковым является, имеет своим необходимым следствием, что он отталкивает от себя все индивидуальные явления, стремящиеся проникнуть в него, и что он сохраняет и воспринимает только те элементы, которые получили санкцию индивидов, общающихся друг с другом.

Наше положение, что отсутствие преднамеренности процессов благоприятствует их точному научному исследованию, легко подтвердить примерами из истории других отраслей культуры. Социальные отношения, право, религия, поэзия и другие виды искусства обнаруживают тем больше единообразия и составляют тем более сильное впечатление естественной необходимости, чем более первобытна ступень их развития. В то время как в этих областях в дальнейшем все более отчетливо проявляется сознательная целенаправленность и индивидуальность, язык в этом отношении находится на гораздо более ранней ступени развития. По этой причине он выступает в качестве основы всякого более высокого духовного развития как отдельного человека, так и всего общества.

Мне надлежит еще кратко обосновать выбор заглавия этой книги – «Принципы истории языка». Выдвигалось возражение, что, помимо

исторического, существует еще и другой научный подход к языку. Я вынужден возразить против этого. То, что хотят представить как неисторическое, но тем не менее научное исследование языка, есть по существу лишь несовершенное историческое его изучение, частично по вине изучающего, частично же по вине изучаемого материала. Как только мы выходим за пределы простого констатирования отдельных фактов, как только мы пробуем установить связи и постигнуть явления, мы тотчас вступаем на историческую почву, возможно, даже не сознавая этого. Впрочем, научный подход к языку возможен не только там, где мы имеем дело с различными стадиями развития одного и того же языка, но и при сопоставлении наличного материала. В этом втором случае важно располагать данными нескольких родственных языков или диалектов. Тогда задачей науки будет являться не только установление взаимных соответствий в различных языках и диалектах, но и реконструкция на основе имеющегося материала несохранившихся первичных форм и значений. Но этим самым рассмотрение языка с полной очевидностью опять таки превращается из сравнительного в историческое. Даже в том случае, когда налицо имеется только одна ступень развития какого-либо отдельного диалекта, научный подход все же до известной степени возможен. Но как? Если, например, сравнивают между собой различные значения одного и того же слова, то при этом стремятся установить, которое из них основное или на какое утраченное исходное значение они указывают. Но, определяя исходное значение, из которого развились остальные, мы тем самым констатируем исторический факт. Или поступают иначе: сравнивают между собой родственные формы и возводят их к одной общей исходной форме. Этим опять-таки констатируют исторический факт. Невозможно утверждать, что родственные формы имеют единую основу, не становясь на историческую почву. Наконец, можно констатировать чередование звуков в родственных формах или словах. Если мы пожелаем объяснить его себе, то с неизбежностью придем к тому, что оно является следствием фонетических изменений, т. е. следствием определенного исторического процесса. Если попытаться охарактеризовать так называемую внутреннюю форму в понимании Гумбольдта и Штейнталя, то это можно сделать лишь в том случае, если удастся проследить данные формы выражения до их исходной точки. Одним словом, трудно себе представить, как можно судить о языке, совершенно не касаясь его исторического развития. Все, что осталось бы тогда от неисторического рассмотрения языка, свелось бы к общим рассуждениям об индивидуальном использовании языка, об отношении индивида к языковой норме (сюда следовало бы отнести и вопрос об изучении языка). Но из дальнейшего изложения станет ясным, что именно эти рассуждения следует теснейшим образом увязывать с изучением исторического развития языка.

(Звегинцев В. А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М., 1964. – С. 199 – 205.)

ТЕКСТ 2. Ф. Ф. ФОРТУНАТОВ. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОВЕДЕНИЕ

Полные слова

Полные слова обозначают предметы мысли и по отношению к предложениям образуют или части предложений, или целые предложения. Например, в русском языке слово *дом* является полным словом, обозначающим известный предмет мысли, и образует часть предложения, хотя бы получалось в речи неполное предложение (последнее является, когда, например, при виде известного предмета я образую суждение и высказываю его в слове *дом*, причем, следовательно, один член этого суждения дан не в представлении слова). А, например, такие полные слова в русском языке, как *иди*, *морозит*, образуют целые предложения, так как каждое из них обозначает известные предметы мысли в их сочетании в суждении. Полные слова последнего рода, в их отличие от других, я называю словами-предложениями и буду говорить об них впоследствии, после того как я скажу о формах слов, так как для существования таких полных слов требуется присутствие в них известных форм, между тем как полные слова, являющиеся знаками отдельных предметов мысли и образующие части предложений, не предполагают сами по себе присутствия в них каких бы то ни было форм.

Отдельными предметами мысли, обозначаемыми полными словами, являются или признаки, различаемые в других предметах мысли, или вещи, предметы как вместилища известных признаков. Признаки предметов мысли, обозначаемые в словах, могут быть как признаками, существующими независимо от данной речи, данной мысли, так и признаками, являющимися именно при существовании данной речи, данной мысли, т. е. могут быть отношениями предметов мысли к данной речи, мысли (к лицу говорящему, думающему, к предмету его речи, мысли). Соответственно с этим в полных словах различаются знаки двоякого рода: слова-названия и слова-местоимения: последние обозначают или вещи, предметы по их отношениям к данной речи, к данной мысли (например, в русском языке *ты*, *он*, *этот*), или самые отношения данных предметов мысли к данной речи, мысли (например, *этот* или *тот* в соединении с названием известного предмета). В тех признаках предметов мысли, которые обозначаются в словах-названиях, различаются признаки, представляющиеся без отношения к их изменениям во времени, и признаки в их изменениях во времени; к первым принадлежат: качество, количество, различные отношения предметов мысли, ко вторым – действия и состояния. Те слова-названия, которыми обозначаются или самые признаки второго рода (действия и состояния), или вещи, предметы как вместилища таких признаков, могут быть называемы по их значениям для отличия от других слов-названий глагольными словами, без отношения к тому, являются ли они по форме глаголами или именами (т. е. в русском языке к глагольным словам по значению, без отношения к форме,

принадлежат, например, не только *ношу, носить*, но также, например, и *ноша*).

Те слова-названия, которыми обозначаются вещи, предметы, т.е. вместилища признаков, могут быть знаками двоякого рода: или 1) названиями общими, нарицательными именами (неглагольными и глагольными), или 2) названиями собственными, собственными именами. Общие названия обозначают те или другие предметы мысли как вместилища признаков и вместе с тем соозначают и самые эти признаки, а собственные названия, собственные имена, обозначают индивидуальные вещи, предметы без отношения к их признакам, в самой индивидуальности, поскольку такое обозначение предметов представляет интерес для говорящих. Собственные названия, или собственные имена, не должно смешивать с общим названием такой вещи, такого предмета, который известен нам в опыте как единичный; например, слово *солнце*, хотя в переносном значении и представляет предмет единичный, является, однако, не собственным именем, а общим названием, обозначающим данный предмет в его признаках, и потому то же значение это слово сохраняет и тогда, когда мы представляем себе существование многих солнц.

Полные слова-названия, обозначающие предметы одушевленные или представляемые одушевленными, могут изменяться в речи, как я говорил, в слова-воззвания и в этом видоизменении не принадлежат уже к предложениям, существуют вне их хотя бы предмет, обозначенный в воззвании, являлся вместе с тем и предметом данной мысли (например, *Коля, иди!*).

Формы отдельных полных слов

Отдельные полные слова могут иметь формы, а так как учение о всяких формах языка образует тот отдел языковедения, который называется грамматикой, то потому формы языка представляют собою так называемые грамматические факты языка и различия слов в формах являются поэтому так называемыми грамматическими различиями слов.

Формой отдельных слов в собственном значении этого термина называется, как мы видели уже, способность отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих формальную и основную принадлежность слова. Формальной принадлежностью слова является при этом та принадлежность звуковой стороны слова, которая видоизменяет значение другой, основной принадлежности этого слова как существующей в другом слове или в других словах с другой формальной принадлежностью, т. е. формальная принадлежность слова образует данное слово как видоизменение другого слова, имеющего ту же основную принадлежность, с другой формальной принадлежностью. Формами полных слов являются, следовательно, различия полных слов, образуемые различиями в их формальных принадлежностях, т. е. в тех принадлежностях, которые видоизменяют значения других, основных принадлежностей тех же слов.

Основная принадлежность слова в форме слова называется основой слова. Понятно, что для того, чтобы выделялась в слове для сознания говорящих известная принадлежность звуковой стороны слова в значении формальной принадлежности этого слова, требуется, чтобы та же принадлежность звуковой стороны и с тем же значением была признаваема говорящими и в других словах, т. е. в соединении с другой основой или с другими основами слов, причем, следовательно, различные основы признаются как однородные в их значениях в известном отношении, именно по отношению к тому, что видоизменяется в этих значениях данной формальной принадлежностью слов.

Таким образом, всякая форма в слове является общей для слов с различными основами, и вместе с тем всякая форма в слове соотносительна с другой, т. е. предполагает существование другой формы, с другой формальной принадлежностью, но с теми же основами слов, т. е. с теми же их основными принадлежностями. Так, например, слово *несу* в русском языке включает в себе известную форму, общую ему, например, со словами *веду*, *беру*, поскольку в этом слове выделяется для сознания формальная принадлежность *-у*, общая ему, например, с словами *веду*, *беру*, а также поскольку выделяется основа *нес-*, как данная в другом слове или в других словах с другой или с другими формальными принадлежностями, например, в словах *нес-ешь*, *нес-ет* (где являются другие формальные принадлежности слов), причем, следовательно, основа *нес-* признается как однородная по значению с основами *вед-*, *бер-* и другими. Формальные принадлежности слов в их формах могут быть не только положительными, состоящими из известной принадлежности звуковой стороны в качестве формальной принадлежности слов, но и отрицательными, причем самое отсутствие в слове какой бы то ни было положительной формальной принадлежности может само признаваться говорящим как формальная принадлежность этого слова в известной форме (общей ему с другими словами) по отношению к другой форме или другим формам, где являются положительные формальные принадлежности в соединении с теми основами слов, которые в данной форме не имеют при себе никакой положительной формальной принадлежности слов. Например, в русском языке слова *дом*, *человек* включают в себе известную форму, называемую именительным падежом, причем формальной их принадлежностью в данной форме является самое отсутствие в них какой-либо положительной формальной принадлежности по отношению этих слов *дом*, *человек*, например, к словам *дóма*, *человека*, заключающим в себе другую форму называемую родительным падежом; в последних словах – *дом-а*, *человек-а* – является положительная формальная принадлежность слов *-а* в соединении с теми основами *дом-*, *человек-*, которые в форме именительного падежа в *дом*, *человек* оказываются не имеющими при себе никакой положительной формальной принадлежности слова.

Слово может заключать в себе более одной формы, так как в основе слова, имеющего форму, могут в свою очередь выделяться для сознания говорящих формальная принадлежность и основа. Например, в русском языке слова *беленький, красненький*, имеющие известную форму целого слова, общую им со словами *белый, красный*, заключают и в основах *беленьк-, красненьк-* также известную форму, так как в этих основах выделяется для сознания говорящих формальная принадлежность *-еньк* и основы *бел-, красн-* (*сл* и *н* мягкими), а эти основы известны без данной формальной принадлежности в словах *белый, красный*.

Формальные принадлежности полных слов, видоизменяя известным образом значения различных основ, как однородных в известном отношении, вносят, следовательно, в слова известные общие изменения в значениях, т.е. при посредстве различий в формах полных слов обозначаются в данных предметах мысли различия, общие этим предметам мысли, как принадлежащим к одному классу в известном отношении. Вместе с тем и самые слова, имеющие формы, обозначаются при посредстве этих форм по отношению к различиям в известных классах слов как знаков предметов мысли. Надо заметить, что термин “форма” в применении к словам употребляется также и в переносном значении и формами отдельных полных слов называют также отдельные полные слова в их формах; например, самые слова *несу, беру* и другие, заключающие в себе форму первого лица единственного числа настоящего времени, могут быть названы просто формами первого лица единственного числа и т. д.

Формы отдельных полных слов не составляют необходимой принадлежности языка, хотя что касается известных нам языков, существовавших и теперь существующих, то в громадном большинстве их мы находим в отдельных полных словах формы. Есть, однако, и в настоящее время такие языки, в которых отдельные слова не имеют никаких форм; к таким языкам принадлежит, например, китайский язык. Что же касается тех языков, которые имеют в отдельных полных словах формы, то понятно, конечно, что между этими языками существуют различия по отношению к этим формам отдельных полных слов.

Приступая к изучению какого-либо языка, имеющего формы отдельных полных слов, лингвист должен остерегаться того, чтобы не предполагать без проверки существования в этом языке именно таких форм слов, какие известны ему из других языков. Различие между языками в формах отдельных слов может касаться не одних только значений форм, но и самого способа образования форм в словах; например, индоевропейские языки в этом отношении резко отличаются, например, от языков семитских или так называемых урало-алтайских языков, точно так же как семитские и урало-алтайские языки в свою очередь резко различаются между собой в этом отношении, т. е. по отношению к способу образования форм отдельных слов.

ТЕКСТ 3. К. ФОССЛЕР. ПОЗИТИВИЗМ И ИДЕАЛИЗМ В ЯЗЫКОЗНАНИИ

Методологический и метафизический позитивизм

Под позитивизмом и идеализмом я понимаю не две различные философские системы или группы систем, а первоначально только два основных направления в наших методах познания. Я говорю: направления, склонности, тенденции, но отнюдь не функции метода познания. Наше деление на позитивизм и идеализм не имеет ничего общего с различием в методах познания чувственного и интеллектуального, созерцания и абстракции, эмпирического и метафизического. Оно относится не к свойствам природы, а к целям и путям нашего познания.

Поскольку я, так же как и Кроче, причисляю языкознание к группе исторических дисциплин, основывающихся на созерцании (интуитивное познание), то в настоящем труде в конечном счете речь может идти не о чем другом, как о проблеме правильного применения нашего интуитивного познания к целям объективного исторического исследования.

Но различие в методах означает также различие целей. Почему оказалось возможным, что в отношении цели исторических наук господствует различие мнений? Может ли задача истории быть иной, нежели установление причинной связи в ряду событий? Конечно, нет.

Однако прежде чем устанавливать причинную связь в историческом процессе, необходимо тщательно изучить факты, т. е. совокупность факторов, которые могут играть ту или иную роль. Поэтому осмотрительные люди определяют в качестве предварительной и ближайшей цели исследования точное описание наличных фактов, знание «материала». Этими предусмотрительными людьми и являются позитивисты. Других, которые озабочены преимущественно установлением причинной связи, мы называем «идеалистами».

Хороший историк стремится примирить требования позитивистов и идеалистов. Он оказывает должное уважение фактам и материалу, но он не останавливается только на собирании и описании их, а дает также и их каузальное объяснение, стремится к познанию причинности. Знание фактов есть средство их познания. Предварительная цель не есть самостоятельная цель и поэтому не может составлять основания для особого научного метода. В последнем счете любой исторический метод должен быть идеалистическим.

Допустили бы мы, следовательно, логическую неточность, если бы стали рассматривать позитивизм как величину равнозначную (хотя и

противопоставленную) идеализму, как это обозначено в названии настоящей книги? Находится ли в действительности понятие позитивизма в отношении субординации к идеализму, а не координации? И да, и нет.

Наряду с методологическим, предварительным и подчиненным позитивизмом существует также метафизический, абсолютный и враждебный идеализму позитивизм. Наиболее острым образом различие обоих направлений проявляется опять-таки в вопросе о причинной связи.

Идеалист ищет каузальный принцип в человеческом разуме, а позитивист – в самих вещах и явлениях. В обоих направлениях существует ряд модификаций: идеализм может быть иллюзионистским или реалистическим в зависимости от того, отделяет ли он каузальное мышление от каузального бытия, или же отождествляет первое с последним. Точно так же позитивизм может быть пантеистическим, атеистическим или же дуалистическим в зависимости от того, отождествляет ли он каузальный принцип с вещами или же отделяет от них. В сущности говоря, речь идет в этом случае о личных убеждениях, излагать которые в подробностях я не намереваюсь.

Я хочу прежде всего показать, как соотносится метафизический позитивизм с методологическим и, противопоставляясь идеализму, достигает самостоятельного значения, которым он сам по себе не может обладать.

Собирание фактов, точное знание всего наличного материала, что методологический позитивист скромным образом рассматривает только как предварительную цель, превращается у метафизического или, лучше сказать, радикального позитивиста в конечную цель. Знание и познание, описание и объяснение, условие и причина, явление и причинность в сущности оказываются одними и теми же вещами. Не спрашивают «почему?» или «для чего?», но только «что есть?» и «что происходит?». Это якобы и есть строго объективная наука.

Однако в действительности это вовсе не наука. Это смерть человеческого мышления, конец философии. Остается только хаос сырого материала без формы, без порядка, без связи. Если лишить наш разум понятия причинности (каузальности), он будет мертв. Поэтому и случается, что рядом с позитивизмом в науке пышным цветом расцветает самая глупая вера в чудеса в жизни...

Все те, кому дорога наука, должны поставить своей задачей борьбу во всех областях с лженаукой радикального позитивизма. Для этого необходимо, чтобы позитивизм был обнаружен в самых скрытых, самых, казалось бы, невинных и незначительных формах; его необходимо побивать в тех областях, где борьба за мировоззрение имеет менее ожесточенный, менее резкий характер.

Такой областью и является языкознание. Именно здесь беспечно орудуют ошибочными формулами и понятиями, порожденными радикальным позитивизмом, и так поступают люди, которые в своих метафизических убеждениях отнюдь не исповедуют последовательного

позитивизма. Для таких людей их наука отделена от их мировоззрения. Их специальность в такой же мере случайна для них, как и их вера...

Идеалистическая система языкознания

...Языковое выражение возникает в результате индивидуальной деятельности, но оно утверждается, если приходится по вкусу другим, если они его принимают и повторяют либо бессознательно, т. е. пассивно, либо точно так же творчески, т. е. модифицируя, исправляя, ослабляя или усиливая, короче говоря, принимая коллективное участие. В момент возникновения или абсолютного прогресса язык есть нечто индивидуальное и активное, в момент покоя или утверждения – нечто пассивное (как в единичном, так и в общем), и в момент относительного прогресса, т. е. рассматриваемый не как творчество, а как развитие, язык есть коллективная духовная деятельность.

Но общая звуковая деятельность возможна постольку, поскольку духовная предрасположенность является также общей, и точно так же индивидуальная деятельность возможна постольку, поскольку предрасположенность является особой и самобытной. Именно на этом взаимодействии покоится язык: он объединяет нас, и он разъединяет нас. Поскольку мы чувствуем себя одинаковыми и близкими своему народу, мы пользуемся его языком и стараемся, сколько можем, говорить ясно, правильно, общепонятно и просто, поскольку же мы ощущаем себя как личность, мы стремимся к собственному языку, к своему индивидуальному стилю, и чем глубже это ощущение, тем смелее, самобытнее, новее и сложнее наши выражения. Благожелательные натуры пишут легким и простым стилем, а мрачные и высокомерные отдадут предпочтение темному стилю.

Подобные наблюдения относятся не только к стилю, но также и к звуковой форме и морфологическому строю языка. Тесная причинная связь между стилистическими и звуковыми изменениями и есть важнейшая цель наших доказательств. Нам ясно, как образуются так называемые тенденции, которые часто в течение столетий формируют звуковой облик языка в одном и том же направлении, куда в конце концов не выработается единый и характерный образ языка – не только в отношении его основы, т. е. строя предложения, но также в отношении его акустической оболочки, т. е. звуковой системы. Эти тенденции являются результатом, или, точнее, коррелятом, того духовного подобия, родства и близости, которые связывают отдельных индивидуумов в народы и нации.

В большинстве случаев духовное родство обуславливается физическим, так что единство расы в общем и целом перекрывается единством языка. Но вместе с тем не следует забывать, что антропологически далеко отстоящее может включать духовное своеобразие чуждого ему народа, испытывать к нему склонность, принимать в нем участие и говорить на его языке, как будто он принадлежит ему.

Но духовное и расовое тождество постоянно ограничивается, т. е. частично снимается индивидуальными различиями отдельных лиц. Поэтому ни в коем случае не следует себе представлять фонетическое изменение как процесс «спонтанный» и происходящий посредством инстинктивного Consensus aller непосредственно и свободно. Как все на свете, так и фонетическое изменение должно выдержать борьбу, прежде чем оно утвердится, распространится и сможет господствовать. Сколько существует неудавшихся фонетических изменений! Сколько индивидуальных вариантов умерло в день их рождения! Сколько осталось в тесном кругу и сколько подверглось модификациям, прежде чем выжить! Сколько языковых неологизмов ежедневно вырастает в детских! И что остается от них? Как жалко, незначительно количество фонетических изменений, отмеченных грамматиками. По сравнению с количеством фактически существующих или существовавших!..

Таким образом, мы нашли два различных момента, в соответствии с которыми следует наблюдать язык и, следовательно, определять его:

1. Момент абсолютного прогресса или свободного индивидуального творчества.

2. Момент относительного прогресса или так называемого закономерного развития и взаимообусловленного коллективного творчества.

Именно эти два момента имеет в виду Вильгельм фон Гумбольдт, когда он говорит: «Это не пустая игра слов, когда определяют язык как самопроизвольную деятельность, возникающую из самой себя и божественно свободную, а языки – как связанные и зависимые от народов, которым они принадлежат»...

Рассмотрение первого момента исходит из исторически данного состояния языка и является чисто эстетическим. Рассмотрение второго сравнивает более раннее состояние с более поздним и в силу этого является историческим, но как только оно обращается к объяснению процессов изменения развития или природы живых элементов в языке, оно снова должно возвратиться к эстетическому или, как теперь говорят, психологическому взгляду.

Так мы приходим к новой и в своей сущности последовательно идеалистической системе языкознания:

- 1) чисто эстетическое,
- 2) эстетико-историческое рассмотрение языка.

Первое может быть только монографическим; оно исследует отдельные формы выражения сами по себе и независимо друг от друга с точки зрения их особой индивидуальности и своеобразного содержания. Второе должно суммировать и группировать. В его задачу входит исследование языковых форм различных народов и времен, во-первых, хронологически – по периодам и эпохам, во-вторых, географически – по народам и расам и, наконец, по «индивидуальностям народов» и духовному родству. Здесь, при

сопоставительном изложении материала, место, где позитивистские методы могут быть применены со всей силой, определенностью и скрупулезностью. Подразделяется ли при этом языковой материал на фонетику, морфологию и синтаксис или нет – это вопрос договоренности; он может быть решен исходя только из практических соображений, а не теоретических.

Наше деление на эстетическое и историческое рассмотрение языка не внесет нового дуализма в филологию. Эстетическое и историческое в нашем понимании не противопоставляются друг другу; они соотносятся друг с другом приблизительно так же, как в позитивистской системе описательная и повествовательная грамматики, с которыми, однако, не следует смешивать (или тем более отождествлять) наши категории. Терминами «эстетический» и «исторический» мы обозначаем разные аспекты одного и того же метода, который в своей основе всегда может быть только сравнительным. Если сравнению подвергаются языковые формы выражения и соответствующая психическая интуиция, то тогда мы имеем эстетическое рассмотрение, т. е. интерпретацию «смысла» формы выражения. Всякий, кто слышит или читает сказанное или написанное, осуществляет эту деятельность, разумеется, сначала бессознательно и ненаучно. Но как только он начинает делать это намеренно и квалифицированно, раздумывая над своими интерпретациями, он уже вступает в область эстетического языкознания. Если же сравнивают друг с другом различные или тождественные формы выражения, исследуют их этимологические связи, то тогда мы имеем исторический способ рассмотрения, который, однако, продолжает оставаться эстетическим; эстетически интерпретированный факт в этом случае истолковывается исторически и включается в процесс развития языка.

(Зеленцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М., 1964. – С. 324 – 335.)